ПАМЯТИ
ФРЕДЕРИКА ШОПЕНА

М. ИВАНОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

ПАМЯТИ

ФРЕДЕРИКА ШОПЕНА

М. ИВАНОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

Zbiory Stowarzyszenia
1045
sygn. 1045
akc. ...../1952
BIBLIOTEKA INSTYTUT FRYDERYKA CHOPINA-NARODOWY

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ШОПЕНЪ.

Для концерта въ честь Шопена.

За роялемъ сидѣлъ онъ, въ мечты погруженъ
О далекой, родной сторонѣ.
Тамъ не миртъ расцвѣтаетъ, не зрѣетъ лимонъ,
Не таятся кораллы въ волнѣ.

Тамъ шумитъ темный лѣсъ, ясный яворъ цвѣтетъ,
И калина краснѣетъ въ садахъ,
Тамъ побѣдную жаворонокъ пѣсню поетъ,
Соловей тамъ рыдаетъ въ кустахъ.

Средь полей и луговъ серебрится рѣка,
Тихо шепчетъ она о быломъ,
Въ небѣ блещетъ звѣзда, и свѣтла, и близка
Блещетъ въ небѣ суровомъ, нѣмомъ.

О родной сторонѣ онъ въ мечты погруженъ,
Тонетъ въ думахъ о смутной бѣдѣ,
И съ тревожной мольбой его взоръ устремленъ
Къ той звѣздѣ, къ той далекой звѣздѣ.

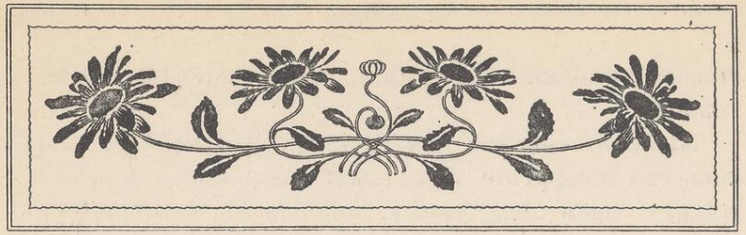
*

И за гранью небесъ, какъ родимой привѣтъ,
Какъ улыбка прекрасной мечты,—
Замелькали лучи и трепещущій свѣтъ
Теплотой полился съ высоты.

Ахъ, тоски по родной сторонѣ превозмочь
Онъ не могъ, онъ не могъ въ эту странную ночь.
Какъ дитя неутѣшно онъ горько рыдалъ.
А рояль... въ эту ночь безучастно молчалъ!

И. Гриневская.

ФРЕДЕРИКЪ ШОПЕНЪ.

I.

Въ Варшавѣ ставятъ памятникъ Шопену, геніальнѣйшему не только изъ польскихъ, но и всѣхъ западно-славянскихъ композиторовъ, среди которыхъ онъ не найдетъ себѣ соперника, несмотря на то, что область ихъ дѣятельности шире области, выбранной Шопеномъ: онъ композиторъ почти исключительно для одного только инструмента; они—какъ Монюшко, Сметана, Дворжакъ и др.—имѣли сцену, театръ, оркестръ, все, что больше говоритъ воображенію людей, легче держитъ его въ плѣну. И въ восточно-славянскомъ мірѣ Шопенъ встрѣтитъ только Глинку, равнаго ему по выразительности и захватывающей силѣ генія. Шопенъ въ извѣстномъ смыслѣ былъ однако счастливѣе Глинки. На своемъ инструментѣ онъ обращался ко всему міру, тогда какъ аудиторія Глинки ограничивалась предѣлами одного, хотя и большого государства. Кому нужна русская опера за предѣлами

Россіи, и особенно кому она была нужна 60—70 лѣтъ назадъ?!

Большое счастье для Шопена, что не осуществилось его намѣреніе сдѣлаться опернымъ композиторомъ, о чемъ онъ думалъ, покидая въ послѣдній разъ Варшаву. Кого въ Европѣ въ его время,—въ тридцатые годы прошлаго столѣтія,—привлекли бы его оперы? Гдѣ, кромѣ Варшавы, могъ бы онъ ихъ поставить? Въ его время даже въ Краковѣ и въ Львовѣ не было польскаго опернаго театра. О постановкѣ гдѣ-нибудь въ Германіи, Италіи или Франціи, на которую онъ, кажется, слегка разсчитывалъ въ своихъ мечтахъ о будущей оперной карьерѣ, серьезно нечего было и думать. Здѣсь его неминуемо ждали разочарованія всевозможнаго свойства. Оставалась только Варшава. Но что могъ дать ему это городъ? На примѣрѣ Монюшки и другихъ талантливыхъ польскихъ композиторовъ болѣе поздняго времени мы знаемъ, чего могутъ ждать художники, которымъ обстоятельства ограничиваютъ ихъ аудиторію и безъ того незначительную. При самой большой расположенности послѣдней они не уйдутъ далеко: ихъ крылья будутъ подрѣзаны, талантъ не развернется такъ, какъ бы могъ; значеніе ихъ можетъ быть большимъ, но останется мѣстнымъ.

Въ этомъ отношеніи я не могу не считать Шопена находившимся въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какія могъ бы пожелать себѣ всякій крупный талантъ. Съ этой точки зрѣнія въ моихъ глазахъ не имѣетъ особаго значенія болѣе или менѣе добровольная разлука Шопена съ его отечествомъ. Шопенъ отнюдь не былъ политическимъ изгнанникомъ. Онъ могъ вернуться на родину всегда, когда хотѣлъ, чего не могли сдѣлать его соплеменники — Мицкевичъ, Нѣмцевичъ, Словацкій, Мохнацкій и столько другихъ,

кому путь въ отечество былъ закрытъ. Онъ даже неоднократно собирался вернуться,—именно всякій разъ, когда сердце его было затронуто женщиною и онъ начиналъ мечтать о семейной жизни, всегда его притягивавшей. Когда въ Парижѣ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, онъ пользовался шумнымъ успѣхомъ, какого только могъ пожелать себѣ всякій артистъ, тѣмъ болѣе иностранецъ, когда онъ былъ своимъ въ лучшихъ семействахъ Франціи, увлеченный въ это время Маріею Водзинскою, онъ только и мечталъ о томъ, какъ бы вернуться въ отечество и, женившись на ней, поселиться въ деревнѣ и, какъ «нѣкогда Янъ Кохановскій, о бокъ съ своей милой и обожаемой женою начать творить». Такія же мысли владѣли имъ и раньше, когда онъ былъ увлеченъ Констанціею Гладковскою. По счастью для искусства эти планы не осуществились. Увлеченіе Гладковскою было мимолетнымъ, а графъ Водзинскій и представить себѣ не могъ, чтобы его дочь «могла стать женою того, кто играетъ на фортепіано»! Благодаря такимъ сердечнымъ разочарованіямъ, какъ они ни были горестны для него въ данную минуту, у него осталась всемірная аудиторія, которой не было ни у Мицкевича, ни у Словацкаго, ни у Залѣсскаго, ни у кого-либо изъ другихъ крупныхъ поэтовъ и писателей Польши, куда къ тому же,—повторяю еще разъ,—дорога имъ была закрыта.

Все въ концѣ-концовъ складывается къ лучшему, и Шопена нельзя считать несчастливымъ. Оставивъ нѣкоторыя разочарованія его личной жизни или сумятицу, которую впослѣдствіи внесла въ нее Жоржъ-Зандъ, мы можемъ признать, что—временами по крайней мѣрѣ—онъ самъ долженъ былъ чувствовать большое счастье, имѣя возможность проявить себя такъ полно и свободно, какъ это выпало на его долю. Ни

одинъ крупный художникъ не откажется отъ такой доли: напротивъ, поставитъ ее выше иныхъ даровъ фортуны, которые могли быть посланы ему судьбою. А его слушатели, уже нѣсколько поколѣній съ одинаковымъ восторгомъ наслаждающіеся чудными проявленіями его божественнаго генія, что иное они могутъ сказать, какъ не признать счастливыми и себя самихъ и того, кто развилъ чудный даръ переносить ихъ въ міръ идеальный, чуждый земныхъ низменностей! Если музыка способна увлекать насъ въ высшій міръ, куда мы входимъ очищенными и просвѣтленными, то прежде всего подобная сила дана ей въ ея идеальномъ видѣ, дана музыкѣ инструментальной, а не драматической, не оперной. Послѣдняя часто поневолѣ должна рисовать намъ такія непривлекательныя стороны нашей жизни, отъ которыхъ мы всегда отвернулись бы съ удовольствіемъ. Слушая инструментальную музыку, не связанную опредѣленной программою, мы можемъ дать свободу своему воображенію, если только музыка эта дѣйствительно талантлива, если авторы ея—Бетховенъ, Шуманъ или Шопенъ—имѣютъ дѣйствительно возвышенную душу, имѣютъ что сказать намъ. Мы счастливы, слушая ихъ, уносясь мечтою въ иной міръ, и вѣримъ, что предѣлы для человѣческаго духа безграничны. Мы не можемъ допустить мысли, чтобы могъ быть несчастнымъ тотъ, кто даетъ намъ подобное полное счастье! Какъ можетъ быть несчастнымъ онъ, источникъ подобнаго рѣдкаго для людей счастья?! Если онъ и страдалъ, его мимо преходящія страданія должны и могутъ быть давно забыты имъ въ сознаніи великаго дара, полученнаго имъ отъ Бога, въ сознаніи выпавшей ему возможности успокоить, обрадовать, утѣшить скорбь другихъ. А этихъ другихъ такъ много!

Послѣдній аккордъ.
(Съ картины Кшешко).

Талантъ Шопена случайно, но очень точно характеризованъ поэтическимъ стихотвореніемъ Лермонтова «Ангелъ». Музыка Шопена—та святая пѣснь, которая была въ устахъ посланника небесъ, когда онъ въ своихъ чистыхъ объятіяхъ несъ чистую душу, хотя и «для міра печали и слезъ».

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ,—и хвала
Его непритворна была.

Вся сущность таланта Шопена вполнѣ охарактеризована четырьмя стихами! Мнѣ кажется, ни одна изъ самыхъ обстоятельныхъ критическихъ статей не могла бы лучше опредѣлить даръ Шопена, чѣмъ это чудное стихотвореніе русскаго поэта. Мы, поклонники Шопена, сердцемъ вѣримъ, что весь міръ,

И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

Мы испытывали чувство почти божественнаго трепетнаго умиленія, слушая звуки этой небесной пѣсни, вызывавшіе въ насъ смутное, но радостное представленіе объ иномъ, идеальномъ мірѣ. Ея отзвуки такъ сильны въ музыкѣ Шопена! Какое счастье снова думать объ этомъ краѣ, память о которомъ заложена въ глубинѣ души у каждаго изъ насъ! Какъ великъ избранникъ, который можетъ пробуждать въ насъ полузабытыя свѣтлыя надежды, давать намъ увѣренность на что-то лучшее! Онъ можетъ утѣшить и успокоить насъ! Мы такъ нуждаемся въ этихъ нѣжныхъ, трогательныхъ звукахъ, въ этой увѣренности!

И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

Самъ Шопенъ когда-то опредѣлялъ сущность своей музыки однимъ словомъ—«жаль». Жалость о чемъ-то потерянномъ нами! Когда мнѣ впервые попалось это опредѣленіе въ многорѣчивой книгѣ Листа о Шопенѣ, я не понялъ его. Мнѣ оно даже показалось смѣшнымъ: вотъ что значитъ стараніе затемнить глубокомысленными разсужденіями простую самое по себѣ мысль! Въ такую ошибку впалъ Листъ, говоря о своемъ другѣ, творчество котораго, онъ, конечно, понималъ лучше, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ! Надо, впрочемъ, замѣтить, что книга Листа о Шопенѣ почти цѣликомъ написана не имъ, а княгинею Витгенштейнъ, и филологическія изысканія объ этомъ словѣ «жаль», до смѣшного поражающія читателя, принадлежатъ именно ей. Теперь, отрѣшившись отъ непріятнаго чувства, которое нѣкогда возбуждали во мнѣ разсужденія княгини, я нахожу, что талантливость Шопена сказалась даже и въ этомъ данномъ имъ самимъ краткомъ опредѣленіи, въ одномъ этомъ только словѣ,—если оно дѣйствительно сказано имъ. Но, кому бы ни принадлежало это слово, оно въ самомъ дѣлѣ прекрасно опредѣляетъ сущность его музыки.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Не разъ пробовалъ давать намъ впослѣдствіи Шопенъ «пѣсни земли»,—напримѣръ, въ своихъ мазуркахъ,—но даже и въ нихъ слышится то, что далеко уноситъ насъ отъ выбраннаго имъ сюжета, какъ бы онъ ни былъ привлекателенъ въ изображеніяхъ великаго художника. Радостно несутся въ его мазуркахъ звуки шумнаго веселья польскаго народа и вдругъ

среди нихъ прорывается какой-то совершенно иной звукъ, чуждый всему окружающему и этому веселью. Откуда онъ? зачѣмъ онъ раздался? И въ этихъ мазуркахъ тоже слышится отзвукъ чего-то, о чемъ безсознательно томится душа художника, полная «чуднымъ желаніемъ», и заставляя томиться и нашу душу. А другія его произведенія, гдѣ память объ его родинѣ отходитъ на второй планъ или даже совершенно исчезаетъ — его вальсы, impromptus, чудныя прелюдіи, его сонаты! Критики, въ особенности изъ числа соотечественниковъ Шопена, могутъ находить въ любой его пьесѣ отзвуки родной страны, намѣреніе напомнить о Польшѣ. По своему они правы, и не я стану оспаривать ихъ. Я тоже съ дѣтства слышалъ звуки польскихъ пѣсенъ и эту мягкую рѣчь, и думаю, что польская душа съ ея чувствами и стремленіями мнѣ близка по крайней мѣрѣ на добрую ея половину. Но я все-таки скажу, что Шопенъ болѣе чѣмъ польскій или даже славянскій художникъ. Считать его только національнымъ композиторомъ—значитъ добровольно умалять его всеоблемлемость. Онъ—композиторъ всемірный, и это значеніе его выше узкой рамки одной какой-нибудь народности. Настоящее искусство не можетъ не быть міровымъ въ лучшемъ и широкомъ смыслѣ этого слова. Искусство національно только въ первой своей стадіи, что бы ни говорили тѣ, кто цѣнитъ его по его случайнымъ особенностямъ, проявляющимъ внѣшнія черты той или другой національности. Конечно, эти черты порою могутъ быть очень характерными. Вавилонскія или ассирійскія постройки не смѣшаешь съ японскими или греческими храмами; но на что намъ эти историческія постройки? Онѣ годились для своего времени, когда люди изъ одного какого города сравнительно съ трудомъ могли попасть даже въ сосѣдній городъ. Даже характерныя особенности націй, самый складъ ихъ мышленія мѣняется современемъ; вѣчное же, божественное начало остается. Вонъ, напримѣръ, японцы или китайцы принимаютъ теперь чужую для нихъ европейскую культуру. Зачѣмъ мы будемъ не замѣчать этого и упрямо стоять за необходимость въ искусствѣ во что бы то ни стало только узкихъ рамокъ національности?

Въ музыкѣ по крайней мѣрѣ грани національности начали раздвигаться, хотя и въ ней пока не много тѣхъ, кого по праву можно было бы признать «общехудожникомъ» въ лучшемъ смыслѣ слова. Не касаясь размѣровъ самаго таланта, я долженъ назвать здѣсь Бетховена, Шопена, Глинку, Мейербера, Вагнера и Бизе какъ художниковъ, обращающихся ко всему человѣчеству. Они говорили не своей родинѣ только, а всѣмъ и каждому. Отсюда ихъ широкое міровое значеніе. Если Глинка не пріобрѣлъ такого значенія, что мнѣ могутъ замѣтить, то по случайному, несчастному для него стеченію обстоятельствъ. Музыкальная же рѣчь его обращается ко всему человѣчеству, несмотря на то, что онъ бралъ исключительно національные сюжеты для своихъ сочиненій. Всѣ названные художники — мірового значенія. А вотъ Шубертъ, напримѣръ, или даже Моцартъ, или самъ великій С. Бахъ, или Глюкъ, или Россини и Верди, Герольдъ, Оберъ и Масснэ, при всей изъ ряда выходящей талантливости ихъ, почти всегда только нѣмцы, итальянцы или французы. Они сдѣлали великое дѣло для своей страны, но исключительно велики только въ предѣлахъ ея одной, какъ бы капризная случайность ни распространила ихъ славу далеко за предѣлами ихъ родины. Слава ихъ могла быть очень громкою. но она не даетъ имъ

права на то особое значеніе, о которомъ я говорю, или даетъ его только въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Выше замѣчено, что Шопенъ не былъ эмигрантомъ и ему можно было вернуться на родину, когда бы онъ пожелалъ того. Онъ остался во Франціи, потому что привыкъ къ ней и жить ему было тамъ удобнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, но связи съ дорогою родиною онъ никогда не прерывалъ. Противъ Россіи или, по крайней мѣрѣ, противъ русскихъ, онъ не выказывалъ враждебныхъ чувствъ и посѣщалъ русскіе дома въ Парижѣ. Если не ошибаюсь, даже кое-какія его сочиненія были посвящены русскимъ его знакомымъ. Когда онъ былъ еще мальчикомъ и жилъ въ Варшавѣ, ему не разъ приходилось бывать въ Бельведерѣ у великаго князя Константина Павловича и его супруги, княгини Ловичъ. Императоръ Николай тоже слыхалъ Шопена. Но мы все-таки сыграли плохую роль для памяти Шопена. Послѣ его смерти въ Парижѣ въ 1849 г. его вещи, — рояль, портретъ, писанный Ари Шеферомъ, разныя его реликвіи, значительная часть переписки,— достались его сестрѣ Барцинской, жившей въ Варшавѣ. Все погибло въ 1863 г., когда на намѣстника Царства Польскаго, графа Берга, было сдѣлано покушеніе изъ дома графа Замойскаго на Краковскомъ предмѣстьѣ, гдѣ жила сестра Шопена. Солдаты не разбирали, и всѣ жильцы злополучнаго дома подверглись одинаковой карѣ. Въ числѣ выброшеннаго на улицу имущества погибли всѣ или по крайней мѣрѣ большинство вещей Шопена...

Трудно понять, почему наши власти въ Польшѣ долго не разрѣшали постановки памятника Шопену въ Варшавѣ, даже и послѣ того, какъ были разрѣшены сборы на памятникъ Мицкевичу и самый памятникъ поэту уже былъ воздвигнутъ. Единственно, что

INSTYTUT FRYDERYKA BIBLIOTEKA Towarzystwa Słowiańskiego

было дозволено, это—постановка бюста или закладка доски въ Желязовой Волѣ, деревнѣ въ шести миляхъ отъ Варшавы, гдѣ родился Шопенъ. Въ послѣднемъ дѣлѣ большое участіе принялъ нашъ извѣстный композиторъ М. А. Балакиревъ, одинъ изъ горячихъ поклонниковъ Шопена. Польская печать очень тепло отнеслась тогда къ участію русскаго художника въ дѣлѣ прославленія памяти знаменитаго артиста.

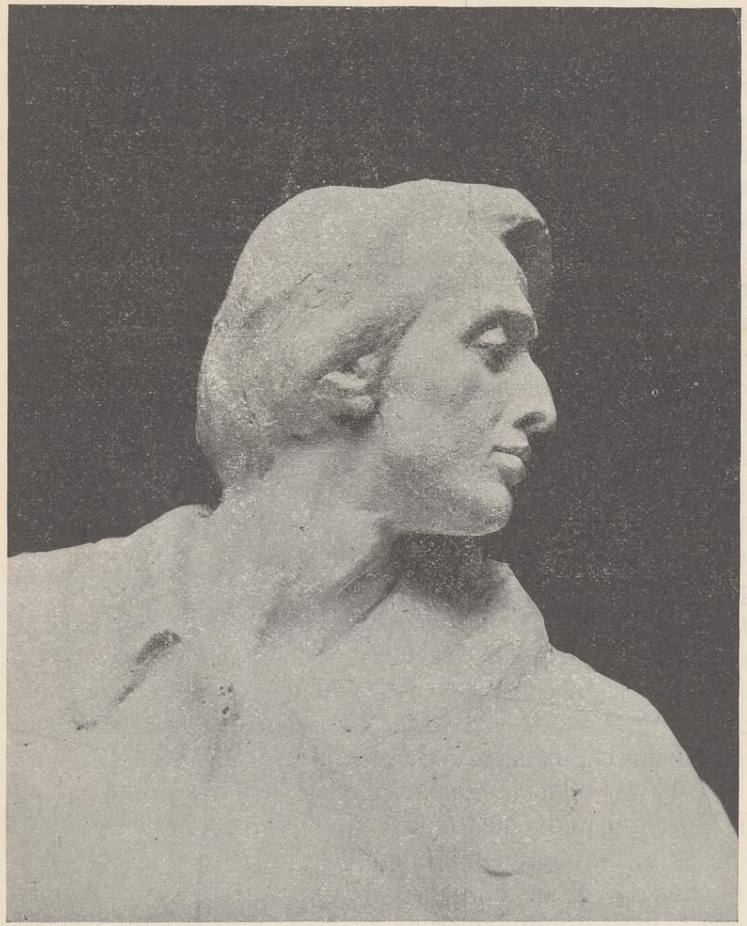
Въ настоящее время наконецъ разрѣшенъ сборъ на памятникъ Шопену. Памятникъ будетъ воздвигнутъ въ Варшавѣ около зданія варшавской Филармоніи. Это разрѣшеніе давно слѣдовало дать. Памятникъ предполагается открыть въ февралѣ будущаго 1910 года. Долгое время считалось, что Шопенъ родился въ 1809 г. Графу Брохоцкому, мужу артистки Императорской оперы г-жи Больска, предкамъ котораго принадлежала Желязова Воля, удалось съ точностью установить день и годъ рожденія великаго композитора: 22 февраля (нов. ст.) 1810 г. Въ сакристіи костела Желязовой Воли графъ Брохоцкій нашелъ подлинную метрику Шопена.

II.

По національности мы должны считать Шопена безусловно полякомъ. Его отецъ, Николай Шопенъ, былъ французомъ изъ Лотарингіи. Въ молодости онъ переселился въ Варшаву, гдѣ давалъ уроки французскаго языка и литературы. Повидимому, онъ скоро сдѣлался своимъ человѣкомъ въ польскомъ обществѣ. Свидѣтельства того времени рисуютъ его близко принимающимъ къ сердцу интересы его новаго отечества. Онъ былъ женатъ на Юстинѣ Кржыжановской, женщинѣ образованной и достойной во всѣхъ отноше-

ніяхъ; она, между прочимъ, давала первые уроки музыки своему сыну. Въ домѣ родителей Шопена собирались профессора, артисты, вообще образованные люди Варшавы того времени: Линде, Бродзинскій, Маціевскій, Кольбе (отецъ Оскара), Губе, Яроцкій, Бродовскій, Явурекъ, Живный, Эльснеръ и друг. Двое послѣднихъ, музыкальные учителя Шопена, не были поляками: Живный былъ чехъ, а Эльснеръ, директоръ варшавской консерваторіи,—шведъ изъ Силезіи. Тѣмъ не менѣе оба они вполнѣ принадлежали польскому обществу и не отдѣляли себя отъ него. Оба имѣли несомнѣнное вліяніе на музыкальное развитіе мальчика, порученнаго ихъ попеченіямъ, и біографами Шопена должны быть помянуты добромъ.

Намъ, русскимъ, трудно составить себѣ ясное понятіе о культурномъ уровнѣ варшавскаго общества въ эпоху царствованія Александра I и въ первое пятилѣтіе царствованія императора Николая I. Въ нашей литературѣ мы не найдемъ указаній по этому вопросу. Хотя историческая судьба толкнула обѣ націи на одинъ и тотъ же политическій путь, въ умственной жизни онѣ продолжали идти порознь. Обособленность и разрозненность ихъ удержались и послѣ 1815 года, когда взаимныя узы, казалось, могли стать болѣе тѣсными. Въ запискахъ и воспоминаніяхъ, касающихся Польши и имѣющихся въ нашей литературѣ, мы услышимъ рѣчь только о дѣлахъ политическаго свойства: ни слова о культурной жизни поляковъ, ни даже о внѣшней жизни варшавскаго общества. По крайней мѣрѣ, мнѣ ничего подобнаго не попадалось въ томъ, что я читалъ по-русски о Польшѣ. Польскіе источники объ этомъ времени мнѣ—къ сожалѣнію—неизвѣстны: приходится, стало быть, по-неволѣ довольствоваться только догадками.

Голова Шопена—съ памятника, который ставится въ Варшавѣ.

Не знаю, что представляла варшавская консерваторія 20—30-хъ годовъ закончившагося столѣтія. Я не знаю, когда окончила свое существованіе эта консерваторія—сейчасъ ли послѣ 1830 г. или закрытіе произошло само собою, вслѣдствіе естественнаго истощенія силъ. Теперь въ Варшавѣ имѣется «Музыкальный институтъ», открытый, кажется, въ царствованіе Александра II и не составляющій продолженія прежней, старой консерваторіи. Какъ бы то ни было, за всю первую половину XIX вѣка намъ неизвѣстно ни одного польскаго композитора, кромѣ Шопена, даннаго Варшавою. Но за то Шопенъ прославилъ себя, свою родину и зажегъ горячіе восторги въ сердцахъ цѣлаго ряда поколѣній всего міра. Было бы такъ интересно знать, какимъ образомъ произошло это чудо,—превращеніе въ мірового генія уроженца страны, сведенной несчастными обстоятельствами почти на нѣтъ, уроженца города, который уже не могъ играть роли въ умственномъ движеніи Европы. Этотъ юноша, выросшій въ скромной буржуазной семьѣ, имѣетъ всѣ права считаться міровымъ геніемъ. Въ музыкальной сферѣ его значеніе крупнѣе и больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Все теперешнее музыкальное движеніе Европы, то, которое считаютъ движеніемъ вагнеровскимъ, имѣетъ свой первоисточникъ въ Шопенѣ.

Онъ не только довелъ до необыкновенной граціи и теплоты свою мелодику, но и въ гармоніи нашелъ обороты, которые явились новыми даже и послѣ Бетховена и дали сильный толчекъ Вагнеру. Изучать ихъ—дѣло спеціалистовъ. Здѣсь достаточно указать на хроматизмъ его гармоній, на красоту и тонкость модуляцій, бывшихъ новыми и неожиданными для его времени. Все это, равно какъ и свобода и гибкость его формъ, отразилось сейчасъ же на направленіи

художниковъ его поколѣнія, крупныхъ и мелкихъ, прежде всего на Листѣ, а потомъ и на Вагнерѣ. Громаденъ былъ переворотъ, внесенный Шопеномъ въ художественное міросозерцаніе Листа, тогда уже бывшаго полубогомъ. Отмѣчу сейчасъ же пропасть между сочиненіями Шопена и ничтожною фортепіанною литературою, являвшейся тогда въ Германіи подъ флагомъ громкихъ именъ,—кромѣ Мендельсона и Шумана, конечно. Но хотя имя Мендельсона было популярно и его фортепіанныя пьесы игрались наперерывъ, значеніе его въ сущности было не велико. Въ области чисто фортепьянной литературы его сочиненія ничего не мѣняли, за исключеніемъ развѣ «Пѣсенъ безъ словъ», представляющихъ нѣкоторый порывъ къ свободѣ формы и мысли, намекъ на свободу чувства, пока все еще сидѣвшаго въ оковахъ. Шопенъ долженъ былъ явиться и для него откровеніемъ, какимъ явился для другихъ: такъ онъ не былъ похожъ ни на кого изъ своихъ предшественниковъ свободою своей мысли и чувства. Шуманъ пріобрѣлъ свое художественное значеніе гораздо позже, но, безъ сомнѣнія, и онъ—въ извѣстномъ смыслѣ—въ своихъ фортепіанныхъ сочиненіяхъ не устоялъ передъ вліяніемъ Шопена. Листъ же сразу подпалъ подъ вліяніе Шопена, когда послѣдній явился въ Парижъ, гдѣ Листъ царилъ безраздѣльно.

Собственно говоря, Листъ того времени еще не далеко отошелъ отъ Калькбреннера, Герца, Мошелеса и другихъ еврейскихъ композиторовъ, мелкихъ по таланту, но захватившихъ въ свои руки крупную область искусства,—композиторовъ, самое имя которыхъ теперь едва ли памятно. Чѣмъ сталъ бы Листъ безъ Паганини и Шопена — трудно сказать. Можетъ быть, и онъ не пошелъ бы далѣе Мошелеса и Герца,

хотя, конечно, талантъ его былъ инымъ. Паганини перевернулъ его понятія о техникѣ, а немедленное затѣмъ появленіе Шопена дало ему представленіе о новыхъ, иныхъ горизонтахъ искусства. Достаточно сравнить тѣ фэнтазіи à la Герцъ на темы разныхъ модныхъ оперъ того времени, которыя сочинялъ Листъ, и то, что началъ онъ писать послѣ своего сближенія съ Шопеномъ. Эти указанія подкрѣпляются всѣмъ тѣмъ, что можно было слышать отъ самого Листа, когда онъ начиналъ разсказывать о своемъ сближеніи съ Шопеномъ, объ этомъ періодѣ, дѣйствительно знаменательномъ въ движеніи европейской мысли. Молодой артистъ, случайно оставшійся во Франціи, если не перевернулъ вверхъ дномъ музыкальное міросозерцаніе тогдашней Европы, то своею нѣжною рукою далъ ему тотъ толчекъ, который двинулъ его такъ далеко, освободилъ отъ столькихъ рутинныхъ узъ. Его ноктюрны, скерцо, баллады, прелюдіи, мазурки и вальсы—все это было ново для музыкальнаго міра, какъ для него былъ новъ духъ, проникавшій всѣ эти произведенія. Какъ хорошо, что онъ не уѣхалъ въ Америку! Что дала бы она ему? Гдѣ нашелъ бы онъ тамъ людей, способныхъ понять его, раздѣлить его думы, оцѣнить его чувства? Въ Соединенныхъ Штатахъ того времени, совсѣмъ не интересовавшихся литературою и искусствомъ, онъ навѣрное бы погибъ какъ поэтъ.

Во Франціи не столько среди музыкантовъ,—хотя и въ нихъ не было недостатка,—сколько среди артистовъ всѣхъ родовъ искусства и крупныхъ писателей онъ нашелъ почву, благопріятную для развитія своего генія.

И опять-таки приходится дивиться огромному запасу художественныхъ идей, который Шопенъ при-

несъ съ собою изъ Варшавы. Востокъ побѣдилъ Западъ, а во всякомъ случаѣ сталъ наравнѣ съ нимъ!.. Казалось бы послѣ Бетховена, послѣ ряда крупныхъ нѣмецкихъ талантовъ, взявшихъ въ свои руки все музыкальное движеніе Европы, трудно было расчитывать чужеземцу пріобрѣсти значеніе въ этомъ смыслѣ. И однако побѣда осталась за нимъ! Конечно, сила генія играла первенствующую роль. Шопенъ, совсѣмъ юношею, своими фортепіанными концертами, сочиненными имъ еще въ Варшавѣ, стоялъ уже головою выше всѣхъ Гуммелей и имъ подобныхъ авторовъ, тогда въ фортепіанной литературѣ державшихъ haut le pavé, отодвинувшихъ въ сторону даже Бетховена. Хотя концерты Шопена по своей формѣ—не по содержанію и не по духу—нѣсколько состарились и близки именно къ концертамъ Гуммеля, но для нихъ мы сейчасъ же найдемъ настоящую оцѣнку. Возьмемъ фортепіанные концерты Мендельсона, его современника. Они интересны, по стилю не похожи ни на бетховенскіе, ни тѣмъ болѣе на гуммелевскіе или веберовскіе концерты, эти — альфа и омега музыкальнаго міра того времени. Затѣмъ Мендельсонъ во всякомъ случаѣ былъ талантъ, не чета Гуммелю, Фильду, e tutti quanti. И что же? Его концерты теперь невозможно играть, тогда какъ шопеновскихъ хватитъ еще на добрые полвѣка, даже если они не будутъ сходить съ программъ такъ же упорно, какъ было до сихъ поръ. Даже техническая ихъ сторона не отстала отъ нашего времени; правильнѣе, наши дни въ смыслѣ техники вообще пока не пошли далѣе техники его концертовъ, а въ особенности послѣдующихъ—большихъ и даже мелкихъ сочиненій Шопена, его этюдовъ, напримѣръ. Между тѣмъ эти концерты написаны еще въ Варшавѣ, умственная жизнь которой стоитъ передъ нами сфинксомъ.

Дорого можно было бы дать, чтобы разгадать точныя причины развитія генія! Было бы напрасно искать объясненія въ указаніяхъ самого Шопена или у его біографовъ—Листа, Красовскаго, Тарновскаго, Ф. Гезика (на послѣдняго меньше всего можно ссылаться въ этомъ случаѣ). Стараясь объяснить причины необычайнаго развитія Шопена въ эпоху его юности и первой молодости, мы стоимъ въ такомъ же недоумѣніи, какъ и передъ быстрымъ развитіемъ другого музыкальнаго славянскаго генія — Глинки. Оба ничего не говорятъ — одинъ въ своей перепискѣ, другой въ своихъ «Запискахъ»—о томъ, что насъ такъ интересуетъ: о своихъ мысляхъ, склонностяхъ, о той артистической и художественной атмосферѣ, въ которой они развивались! Что говорятъ намъ хотя бы имена единственныхъ двухъ музыкантовъ—Живнаго и Эльснера, которые имѣли или должны были имѣть извѣстное вліяніе на юношу, ввѣреннаго ихъ попеченіямъ? Мы не имѣемъ понятія, что за музыканты и артисты они были. Мы знаемъ только, что они цѣнили его, что при отъѣздѣ Шопена изъ Варшавы Эльснеръ сочинилъ нѣчто въ родѣ кантаты въ его честь. Кантата была исполнена товарищами Шопена подъ руководствомъ самого же Эльснера на первой станціи отъ Варшавы. Такого вниманія, конечно, удостоивается не всякій, даже даровитый ученикъ консерваторіи, тѣмъ болѣе, что никому изъ участниковъ проводовъ и въ голову не приходило, что они на-вѣки разстаются съ тѣмъ, кого чествовали; для нихъ это было простымъ напутствіемъ человѣка, уѣзжающаго въ Европу за лаврами. Какое указаніе — въ смыслѣ артистическаго развитія Шопена—могли бы дать намъ справки о варшавскомъ театрѣ его времени или о концертахъ, дававшихся тогда на берегахъ Вислы? Да и этого матеріала, сколько мнѣ извѣстно, напрасно было бы искать въ польской критической литературѣ: его нѣтъ. И мы остаемся лицомъ къ лицу съ загадкою, пока не разрѣшенною: изъ какого источника почерпнулъ Шопенъ не только силу своего генія, но свою душу? Если ихъ дала ему родная земля, семья, деревня и Варшава—то честь имъ и слава!

Безъ сомнѣнія, потомъ огромное вліяніе оказала на него Франція. Состояніе умственной, литературной и художественной жизни Франціи тридцатыхъ годовъ, конечно, помогло высоко подняться росткамъ, которые Шопенъ принесъ съ собою. Это было особенное время. Много пустяковъ, какъ всегда во Франціи, хотя бы и въ видѣ карикатурныхъ внѣшнихъ проявленій романтизма! Но вмѣстѣ съ тѣмъ здоровый пульсъ всей европейской, а не одной только мѣстной жизни, бился въ то время на берегахъ Сены.

Здѣсь приходится коснуться вліянія Жоржъ-Зандъ. Много дурного объ ея отношеніяхъ къ Шопену говорилось всѣми, за исключеніемъ Листа. Подумавши, приходится сказать иное. Если характеръ писательницы былъ несносенъ и не подходилъ Шопену; если, какъ женщина, она могла быть непріятною и дать ему много отравленныхъ минутъ, то ея духовное вліяніе на него было живительнымъ: въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Самымъ лучшимъ доказательствомъ является все написанное Шопеномъ въ эпоху его близости къ Жоржъ-Зандъ—баллады, чудныя скерцо, тѣ маленькіе шедевры, поразительные по глубинѣ, которые носятъ названіе прелюдій, полонезы. Не стану касаться здѣсь какими воспоминаніями — патріотическими или иными—проникнуто содержаніе его большихъ пьесъ: это не важно въ настоящую минуту. Но я не могу отдѣлить Жоржъ-Зандъ отъ Шопена въ

самую важную эпоху его жизни, забыть ея вліянія на его геній. Они могли надоѣдать другъ другу и, въ концѣ концовъ, совсѣмъ поссориться, но что это въ сравненіи съ достигнутыми имъ вершинами! Умная женщина двигаетъ впередъ того, кому отдала свое сердце или симпатіи. Наличность другой души была необходима для полнаго развитія его таланта, какъ для полученія новаго химическаго соединенія необходима наличность двухъ разнородныхъ элементовъ. И чѣмъ свойства этихъ элементовъ различнѣе, тѣмъ характернѣе и положительнѣе новое соединеніе.

Жоржъ-Зандъ была женщиной большого ума и своимъ развитіемъ далеко превосходила Шопена. Въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего обиднаго для него, такъ какъ за то, въ свою очередь, онъ превосходилъ ее размѣрами своего таланта. Слагались хорошія условія—по крайней мѣрѣ для него. Разслѣдовать, какъ отразилось вліяніе Шопена на Жоржъ-Зандъ, не входитъ въ кругъ моей задачи. Она могла начать писать хуже; можетъ быть, и прежде она не могла сказать ничего особеннаго въ своей художественной работѣ и повторяла лишь то, что ей подсказывали литературные друзья. Но онъ поднялся выше, и и въ этомъ несомнѣнно сказалось ея вліяніе, вліяніе умной и—по-своему—всетаки даровитой женщины. И затѣмъ та плеяда дѣйствительно блестящихъ умовъ Франціи, въ общеніе съ которыми она ввела его! Какъ должно было вліять подобное общество! Листъ, напримѣръ, не получилъ ровно никакого образованія, но общеніе съ передовыми людьми, съ умными женщинами, такъ отшлифовало его, что недостатокъ его образованія былъ покрытъ съ избыткомъ. Но Листъ по своимъ творческимъ силамъ стоялъ гораздо ниже Шопена. Онъ въ художественномъ отношеніи всегда болѣе

или менѣе находился подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ. Шопенъ былъ самостоятеленъ и нуждался только въ благопріятной средѣ, чтобы развернуть свойства своей богатой природы. Онъ нашелъ ее во Франціи и въ тѣсномъ общеніи съ Жоржъ-Зандъ.

Я не могу стать на сторону тѣхъ, кто строго относится къ послѣдней, когда заходитъ рѣчь объ ея отношеніяхъ къ Шопену. Сколько бы дурныхъ минутъ она ни дала ему, я думаю, что больше всего именно ей мы обязаны рядомъ его высокихъ произведеній. Повидимому, онъ сильно любилъ ее, если на Майоркѣ могъ, только безпокоясь о ея случайномъ отсутствіи, создавать такіе шедевры, какъ прелюдіи e moll или Des dur. Глубже, ярче и сердечнѣе трудно передать томленіе духа, настроеніе, вызванное любимою женщиною, какое мы видимъ тутъ, равно какъ и въ другихъ прелюдіяхъ. Если Жоржъ-Зандъ и ея вспыльчивому, взбалмошному характеру мы обязаны такими сокровищами,—то да здравствуютъ женскіе капризы!

Шопенъ сильно любилъ ее, и во все время ихъ отношеній, длившихся почти около десяти лѣтъ, не встрѣчается даже намека на его, хотя бы милолетное увлеченіе другою женщиною. Даже упорное нежеланіе Шопена встрѣчаться съ нею послѣ ихъ разрыва, когда она дѣлала попытки примириться съ нимъ, указываетъ на силу его чувства. Ненавидятъ такъ сильно, когда любятъ глубоко, когда на смерть ранены измѣною близкаго человѣка! Не знаю, имѣлъ ли право Шопенъ сказать то, что сказалъ о Жоржъ-Зандъ Мюссе, также страдавшій отъ нея—

Et si je ne crois plus aux larmes,
C'est que je l'ai vu pleurer.

Можетъ быть, къ этому времени она уже разучилась плакать или, по крайней мѣрѣ, не расточала своихъ слезъ такъ легко, какъ раньше. По-своему она любила Шопена и, кажется, сильно желала возстановленія добрыхъ между ними отношеній. Но онъ рѣшительно не хотѣлъ слышать объ этомъ и, встрѣтившись съ нею въ одномъ дружескомъ салонѣ, повернулся спиною, когда она было-обратилась къ нему, и затѣмъ сейчасъ же ушелъ. Все это совершенно понятно, но о равнодушіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи!

Любопытно, что при первой встрѣчѣ она ему не понравилась просто какъ женщина. Онъ тогда писалъ своимъ роднымъ: «Я познакомился съ знаменитою Жоржъ-Зандъ, но лицо ея не симпатично, не понравилось мнѣ; въ немъ есть что-то отталкивающее». И однако она скоро зачаровала его, причемъ она именно вела аттаку. Такъ, въ началѣ своего съ нимъ знакомства, не заставъ его какъ-то дома, она оставляетъ ему карточку съ форменною декларацією: «on vous adore; Georges!»

Во всякомъ случаѣ, если и была вина знаменитой писательницы относительно композитора, мы должны забыть объ этой винѣ, такъ какъ, — повторяю еще разъ,—мы обязаны ей лучшими его сочиненіями, какъ послѣ его родины обязаны Франціи развитіемъ этого славянскаго генія!

Въ настоящую минуту особенно важно помнить о сущности искусства Шопена. Настоящая минута въ музыкальномъ искусствѣ,—минута перелома, одна изъ крупнѣйшихъ въ его исторіи. Движеніе, которое для краткости назовемъ декадентствомъ, замѣчающееся также и въ музыкѣ, пріобрѣло въ послѣднее время немало сторонниковъ. При этомъ, по странной случайности или по необъяснимому противорѣчію, декаденты любятъ ссылаться на Шопена, повидимому, какъ будто увлекаются имъ. Нельзя однако въ одно и то же время служитъ двумъ богамъ. У Шопена нѣтъ ничего общаго съ декадентствомъ и потому-то его звѣзда горитъ особенно ярко и его музыка имѣетъ такую цѣнность. Надо рѣшительно стать на ту или или другую сторону: или сердечность и искренность Шопена, или холодная разсчетливость Штрауса, Регера и ихъ послѣдователей! Колебаній въ этомъ вопросѣ быть не можетъ, если желаешь быть искреннимъ! Приходится выбирать или ту или другую дорогу, стать на сторону искренняго и простого или фальшиваго, изломаннаго чувства. Я понимаю, что новизна можетъ прельстить многихъ,—это правда. Но нельзя сомнѣваться однако, за кѣмъ осталась бы побѣда, если бы въ наши дни явился второй Шопенъ. По пути, указанному Шопеномъ, и слѣдуетъ идти музыкѣ, если она хочетъ занимать свое высокое положеніе, если она должна просвѣтлять утѣшать и радовать насъ!

Что касается насъ, русскихъ, имѣющихъ Глинку, столь родственнаго Шопену по духу и по всему художественному облику, намъ можно съ полнымъ удовлетвореніемъ ожидать минуты, когда въ Варшавѣ, наконецъ, воздвигнутъ памятникъ великому славянскому генію. Разъединенные при жизни, оба они—Глинка и Шоненъ—могли бы протянуть другъ другу руки, признать себя братьями. Это же и мы можемъ сдѣлать, сознавая общность духа и общее міровоззрѣніе.

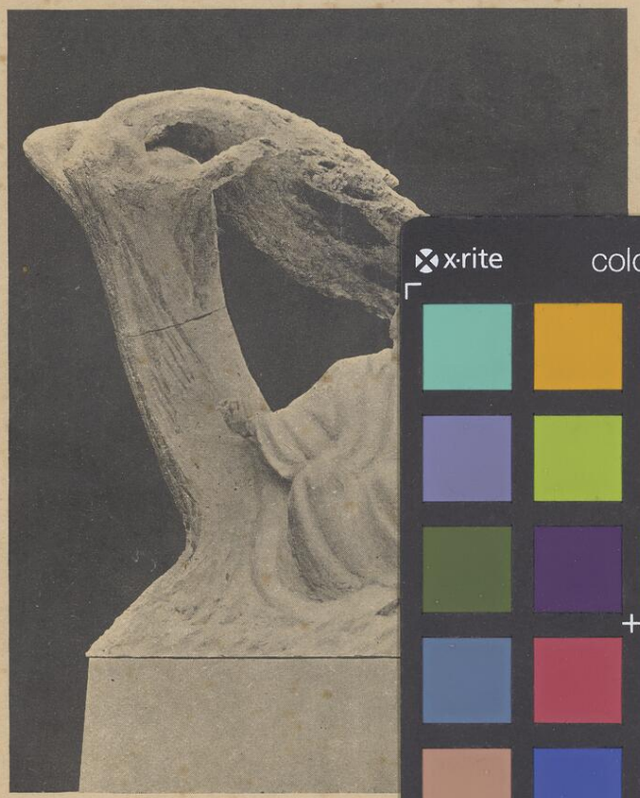
Пусть и будетъ такъ!

Zbiory Stowarzyszenia I. F. C.
BIBLIOTEKA INSTYTUT FRYDERYKA CHOPINA NARODOWY

F 001045
NARODOWY
INSTYTUT
FRYDERYKA
CHOPINA
B/1

ПАМЯТИ
ФРЕДЕРИКА ШОПЕНА

М. ИВАНОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГ
1909